

Кремер Гидон

12.10.04
141

Кремер и прекрасные дамы

В этот раз знаменитый скрипач не соревновался за лидерство

Андрей Хрипин

Уже вторую неделю вся уважающая и считающая себя культурной Москва самосовершенствуется и дружно чистит себя под музыкой Шнитке. Это и понятно, любой фестиваль в какой-то мере акция, а посещение Большого зала в такие дни – священный долг творческой и технической интеллигенции (среди последней, кстати, фанатов Шнитке не меньше). Даже интересно, насколько жизнеспособным в отечестве окажется, чего греха таить, искусственно реанимированный под 70-летний юбилей ажиотаж вокруг шнитковской музыки, пошедший на спад еще в последние годы жизни композитора в Гамбурге.

Фестивальная афиша, выстроенная по самому простому антологическому принципу, почему-то обделена симфониями (из девяти будет исполнена только одна, Седьмая), зато царствует инструментальный концерт во всех его видах. На половине своего пути фестиваль

сподобился и на впечатляющее своей монолитностью композиционное обобщение, посвятив два вечера жанру Concerto Grosso, не столь крупному, но милому и нежно любимому композитором за свою "старинность". Сочиняя, Шнитке всегда сознательно имел перед собой ту или иную модель из существующих образцов – в случае с концертами гросси он ориентировался не на итальянские модели Страделлы, Корелли, Вивальди или Генделя, а на Бранденбургские концерты Баха, все немецкое было ему ближе хотя бы чисто генетически. Пройдя через мозг и сердце Шнитке, этот куртуазный барочный жанр предстает круто обновленным по содержанию и эстетике – обогатившись всеми признаками внутренней интроспекции композитора и человека, ранимая душа которого, кажется, разрывалась от диссонансов окружающего мира. (Таким диссонансом стало для него и Литовское восстание 91-го, подавленное советскими властями в самом

конце коммунистической эры, – исполненная как интермеццо перед вторым отделением первого вечера оркестровая пьеса "Сутартинес" обожгла пронзительной грустью и тишиной народных песнопений.)

Все шесть концертов, написанных с 1977 по 1993 год, были исполнены теми, кому они посвящены. И словно долгое эхо, это казалось сродни не раз воспетому поэзией сплетению судеб. Вновь встретились в дуэте некогда спутники в жизни и творчестве Гидон Кремер и Татьяна Гринденко, отправившиеся в Первом Concerto Grosso с его прихотливым диалогом двух сольных скрипок в рискованное романтическое путешествие из зрелости в молодость.

Как и положено холодноватому прибалту, притом истому джентльмену, комильфо Кремер с его спокойной уверенностью в своих силах, казалось, и не собирался соревноваться с Гринденко, чутко понимая, чего хочет женщина, тем более женщина с темпераментом наружу и при-

вычкой к эмоциональному лидерству. В том же духе непрерываемый жрец музыки Кремер держался и в ансамбле с патронируемой им молодой американской пианисткой-композитором Лерой Ауэрбах (родилась в Челябинске, в 18 лет осталась в США) – в токкатной по стилю фортепианной партии последнего, Шестого концерта она произвела впечатление на московскую публику своей витальной силой и энергичным напором. На фоне более внешнего женского высказывания посыл Кремера неизбежно выглядел более внутренним – тут и печаль, которая светла, и сила мудрости, и спокойствие мастерства – но, соединяясь, обе стихии очень точно соответствовали как букве, так и духу музыки Шнитке, в которой внутренний фактор неотделим от внешнего. Ничего не скажешь, прекрасно смотрится Кремер в окружении прекрасных и, что важно, талантливых дам – это как будто дает ему дополнительное вдохновение.